

ity (hypertext / hypothesis) and metatextuality (auto-referential comments), the philosophy of fiction, the principle of complementarity and possible worlds. Erasing the boundaries between fiction and fact create a special kind of literary discourse, new semantic and formative functions of the text.

Key words: *Khazar Dictionary, Hagiography of Saints Cyril and Methodius, Saints Cyril Hagiography, intertextuality, metatextuality, possible worlds, fiction, faction*

—
127
—

Анатолий Турилов

DOI: 10.31168/91674-576-4.25

Институт славяноведения РАН, Россия

aaturilov@gmail.com

К истории «двухполовинного» южнославянского влияния – культурные связи восточных и южных славян в конце XV – середине XVI в. и их региональные особенности

Доклад посвящен истории культурных (в основном литературных) связей восточных славян с южными в конце XV – середине XVI в. Сопоставляются варианты этих связей для Московского государства с одной стороны и Великого княжества Литовского и Польши с другой.

Ключевые слова: *культурные связи, восточнославянские регионы, Молдавия, Афон*

Использование в заглавии несколько экстравагантного термина, вызвано ситуацией, сложившейся в историко-филологической науке (по большей части в филологической и даже лингвистической). Рассматриваемый ниже этап культурных связей между восточными и южными славянами был выделен первоначально в рамках конца XV – первой четверти

XVI в. и применительно лишь к Великому княжеству Московскому) около 40 лет назад, но практически в то же время термин «третье южнославянское влияние» оказался уже «занят» – Б.А. Успенский обозначил им преимущественно языковое влияние украинско-белорусской книжности на великорусскую в XVII в. Второй момент условности состоит в том, что примерно с конца XV в. наблюдается встречное влияние восточнославянской литературы и письменности на южнославянскую – преимущественно сербскую. Таким образом рассматриваемый период является единственным на протяжении Средних веков и раннего Нового времени, когда между восточными и южными славянами происходит взаимный культурный обмен. В условиях османского владычества на Балканах роль Болгарии в этих связях выпало играть Молдавскому княжеству, книжная культура которого без преувеличения может быть охарактеризована как «Тырнов после Тырнова», посредником между Русью и Сербией выступали – как и в классический период «второго южнославянского влияния» – славянские монастыри Афона (прежде всего Хиландарь); кроме того (что особенно важно для Московской Руси) в Османской империи до середины XVI в. активно функционировала сербская канцелярия, обслуживавшая сношения со славянскими странами и Венгрией. Поскольку названные связи относятся ко времени после окончательного разделения Киевской митрополии и провозглашения автокефалии Русской Церкви (1448), они осуществлялись Московской Русью и православным населением Великого княжества Литовского и Польши вполне самостоятельно (если не считать того, что афонские посольства в Москву никак не могли миновать ВКЛ), но при этом достаточно синхронно. Нижнюю хронологическую границу для Великого княжества Московского может условно составлять брак наследника Ивана III Ивановича Молодого с дочерью мол-

давского господаря Стефана Великого Еленой (1483), хотя, вероятно, более показательны и принципиально важны приезды посольств из афонских монастырей в 1490-х гг. Для ВКЛ и Польши в качестве условной опорной точки можно назвать основание Супрасльского монастыря (1498), где, очевидно, с самого начала присутствовала авторитетная группа сербских монахов с Афона, но при этом никак нельзя упускать из виду (хотя ситуация и не персонифицирована) широчайшее распространение молдавских почерков и неразрывно связанной с ними тырновской орфографии в книжной культуре Галиции и Волыни последней четверти XV в. (о чем подробнее ниже). Верхнюю границу периода, после которой уже нельзя говорить о полноценном культурном взаимообмене, составляет вторая половина 1550-х гг.: в 1557 г. сербские мастера расписывают собор Супрасльского монастыря, год спустя в Москве со слов членов хиландарского посольства записывают «Повесть страшну и ужаса исполнену» о чудотворных иконах и других достопамятностях этого сербской афонской обители, дошедшую в единственном (но современном записи) списке.

Принципиальное отличие в характере культурных связей этого времени Московской и Западной Руси с южными славянами и Молдавией состоит в том, что в первом случае они предельно централизованы, практически замкнуты на великокняжеский двор и митрополичью кафедру; старшие списки попавших в это время на Русь южнославянских сочинений и переводов, происходят из крупнейших монастырей, связанных с обоими центрами (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского). В западнорусском варианте следов этого не наблюдается, о митрополии нельзя сказать ничего определенного, равно как и о конкретных епископских кафедрах. Речь может идти о инициативе отдельных монастырей (прежде всего все того же Супрасльского) и отдельных

лиц, начиная с занимающих высокое социальное положение и кончая простыми книгописцами.

Корпус текстов, участвовавших в это время в обмене с обеих сторон, разумеется, заметно более скромнен, чем в эпоху «второго южнославянского влияния», но при этом достаточно выразителен. В нем преобладают оригинальные сочинения. Тексты, пришедшие в Москву из Молдавии, весьма немногочисленны. В сущности, это комплекс памятников, связанных с небесным патроном княжества Иоанном Новым Белгородским / Сучавским (служба и два жития – пространное и проложное, написанные Григорием Цамблаком) и славяно-молдавская летопись, доведенная до начала правления сына и преемника Стефана Великого Богдана, в составе Воскресенской летописи (причины включения первой во вторую довольно загадочны). При этом московская кафедра в условиях разрыва с Константинополем могла апеллировать к молдавским иерархам по вопросам если не догматическим, то церковно-обиходным (послание митрополита Романского Василия 1484 г. к митрополиту Геронтию о неправомерности хождения «посолонь» при освящении храма). Между Молдавией и Западнорусской митрополией собственно литературные контакты для этого времени не выявлены (в ВКЛ не попал даже перевод похвального слова виленским мученикам, имеющийся в молдавских списках), но масштабы распространения молдавского книжного письма с тырновской орфографией в рукописях Галиции и Волыни таковы, что сказались в начале 1490-х гг. даже на облике шрифтов и иллюминации книг краковской типографии Швайтпольта Феоля (что породило невероятную гипотезу о их заказе Стефаном Великим).

Результаты контактов восточнославянских книжников заметно богаче и выразительнее. Для Москвы это обширный комплекс пространных болгарских и сербских житий (Илариона Мегленского, Параске-

вы-Петки, Саввы Сербского, Стефана Дечанского и деспота Стефана Лазаревича) и переводов (хроника Константина Манассии, «Паралипомен» Зонары, одна из версий «сербской» Александрии, «Воспоминание отчасти Св. Горы Афонские»), в большинстве своем послуживших в 1510-х гг. источниками Русского Хронографа, составленного в Иосифо-Волоколамском монастыре. Период располагает даже своим «Пахомием Логофета в миниатюре» – сербским книжником Аникитой Львом Филологом, который, возможно, помогал составителю Хронографа в подборе и отборе южнославянских источников. Вообще, тема личностей в описываемом процессе (равно как и тема влияния восточнославянской книжности на сербскую) вполне заслуживают отдельного доклада. В западно-русской книжности число сербских текстов, пришедших в раннем XVI в., значительно меньше (по существу, можно говорить лишь о житии Саввы Сербского и древнейшей службе ему), но здесь присутствует замечательный полемический сборник, принесенный в 1545 г. в Супрасль с Афона, который в России получил известность лишь в XVIII в. через старообрядцев. В его составе Повесть о разорении Афона латинянами после Лионского собора, послания прота Гавриила к логофету венгерского короля Яна Запольи и писаря ВКЛ Василия Никольского к Стефану Якшичу (старший список в БРАН).

Заметное, хотя и не первостепенное, место в культурных связях периода занимают художественные, причем здесь тоже наблюдается взаимовлияние: московские мастера в конце XV в. отправляются в Молдову для написания икон по заказу Стефана Великого, сербские фрескисты под руководством Нектария, как уже сказано выше, расписывают в 1557 г. собор Супрасльского монастыря. В хиландарской ризнице хранится немало великорусских икон начала – середины XVI в. О пелене, вышитой для Хиландаря царицей Анастаси-

ей Романовой и отправленной туда с монастырским посольством в 1559 г., говорить излишне. На славянские Балканы во второй четверти XVI в. попадает целый ряд высокохудожественных по оформлению кодексов (и великорусских и украинско-белорусских), не имеющих аналогий в ресавской традиции: Бусинское Евангелие (София, НБКМ), написанное каллиграфами круга Исаака Собаки (Бирева), западнорусское Черепишское Евангелие (Враца, библиотека митрополии, № 3 – ныне Нац. Ист. Музей в Софии), орнаментика которого довольно скоро породила ряд подражаний болгарских книгописцев, несколько рукописей (например, лицевой Апостол библиотеки Печской патриархии № 24 и, возможно, ряд других) вольнского (?) каллиграфа Андрейчины. К сожалению, точное время и обстоятельства их миграции в рамках рассматриваемого периода остаются невыясненными.

Anatolij Turilov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

aaturilov@gmail.com

**The History of the “Second and a Half”
South Slavonic Influence: The Cultural Ties of the Eastern
and Southern Slavs in the Late 15th - Mid 16th Centuries
and Their Regional Features**

The report focuses on the cultural ties (mainly literary) between Eastern and southern Slavs in the late 15th – mid-16th century. The variants of these relations for the Moscow state and the Grand Duchy of Lithuania and Poland are compared.

Keywords: *cultural relations, East Slavic regions, Moldova, Athos*